

На правах рукописи



Мухачёв Дмитрий Андреевич

Визуальная поэтика Петербурга в творчестве В. В. Набокова (русский период)

Специальность 10.01.01 - русская литература

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2021

Работа выполнена на кафедре русской литературы института гуманитарных наук Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент
Романова Галина Ивановна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Юго-Западный государственный университет" **Степанова Надежда Сергеевна**

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук **Плотникова Анастасия Геннадьевна**

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Защита диссертации состоится «31» мая 2021 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 850.007.07 по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 4, ауд. 3406.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО МГПУ по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 4 и на сайте <http://www.mgpi.ru/>.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета



Канунникова Ирина Алексеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Необычная литературная судьба писателя В.В. Набокова, своеобразие и многомерность его творчества обусловили интерес филологов, культурологов, философов и журналистов к каждому из написанных им произведений. Несмотря на значительный объем посвященных Набокову научных и литературно-критических работ, появляющихся как в отдельных изданиях, так и в серийных, русских и англоязычных¹, остается ряд до сих пор нерешенных вопросов. Один из них – творческий диалог писателя с русской культурной, литературной традицией, который продолжался на протяжении всего его творческого пути и наиболее ощутимо проявился в произведениях русского периода. В связи с этим актуализируется проблема взаимодействия поэтики писателя с художественными достижениями и открытиями, сделанными его предшественниками – классиками русской литературы XIX века. В частности, это касается изображения российской столицы – образа, явившегося значимой частью «петербургского текста» русской литературы.

Тема Петербурга, разрабатываемая в русской литературе на протяжении двух веков, остается в центре внимания исследователей². С ее

¹ Основные зарубежные иноязычные публикации о В. Набокове, а также литература о нем на русском языке до 2000 г. даны в издании: В. В. Набоков: pro et contra : Материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова : Антология / [Сост. Б. Аверин]. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2001. Т. 2. 2001. 1060 с. Библиография работ до 2018 г. собрана в кн.: В.В. Набоков: библиографический указатель произведений и литературы о нем, опубликованных в России и государствах бывшего СССР (1920-2006) / Авт.-сост. Г.Г. Мартынов. СПб. : Альфарет, 2007. 497 с.; «Дар бесценный»: библиогр. список лит. к 120-летию со дня рождения В. В. Набокова / ЦРБ им. Л. Соболева; сост. С. Е. Приходько, В. П. Акиншина. СПб., 2019. 28 с.

² Анциферов Н.П. Быль и миф Петербурга. Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1922. 226 с.; Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Л.: Агентство «Лира», 1990. 249 с.; Анциферов Н.П. Петербург Достоевского. Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1923. 105 с.; Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.; Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. СПб., Искусство-СПб., 2002. 768 с.; Морозов Д.В. Художественное время и пространство в русскоязычных романах В. Набокова 1920-1930 годов. Автореф. дис. ...

изучением связано решение многих проблем поэтики классической, модернистской и постмодернистской литературы. Она неразрывно сопряжена с магистральной набоковской темой, воплотившей тоску по безвозвратно ушедшему детству и родине. Известно, что впечатления и переживания, полученные в русском детстве, были для писателя творчески плодотворным эмоциональным опытом.

Роль Петербурга в жизни и творчестве Набокова затрагивается во многих работах, посвященных биографическому аспекту его произведений. Значение произведений Набокова в литературной картине Петербурга, отношение писателя к смысловым структурам, в изобилии рожденным этим городом, – насущная и актуальная тема. Развивая идеи, высказанные в трудах Н.П. Анциферова, В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, А.А. Долинина, современные исследователи обращаются к произведениям Набокова, рассматривая особенности и содержательные функции хронотопа, его роль в создании неклассической картины мира³. Но *специфика* изображения города, его роль в организации пространства и времени, содержательная функция в творчестве Набокова еще не были монографически проанализированы ни с точки зрения художественной специфики, ни в русле полемики с русской классикой XIX в. Этим обусловлена **актуальность темы исследования**.

В русской литературе, предшествующей Набокову, Петербург традиционно изображался как место развития действия, соотносимое с реальной географией, культурно-исторической ситуацией. Так город показан

кан. филол. наук. Кострома: ВГПУ, 2007. 195 с.; Каганов Г.З. Санкт-Петербург: образы пространства. М.: Индрик, 1995. 223 с.; Иванова Н.Б. Загадка и тайна в литературе «Петербургского стиля»: [Петербург в творчестве рус. писателей XIX века] // Феномен Петербурга. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр "БЛИЦ", 2001. С. 96-102.; Агаева Т.И. Петербург как культурное пространство в русской литературе XIX века: (Мифолог. аспект) / Язык и культура. Киев, 1997. Т. 4. С. 3-4.

³ Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирина. СПб.: Симпозиум, 2019. 568 с.; Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.; Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.

А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским, это характерно для эпохи реализма. В литературе модернизма традиционная поэтика претерпела значительную трансформацию, что вызывает необходимость анализа «диалога» петербургских страниц Набокова с «петербургскими» произведениями классиков XIX века. Наше внимание сосредоточено на том, как менялся образ Петербурга при переходе от реализма к модернизму, поэтому произведения авторов, принадлежащих к той же литературной эпохе, что и Набоков, в работе не рассматриваются.

Научная новизна исследования связана с тем, что впервые предлагается рассмотреть Петербург в набоковских произведениях как компонент художественного мира, обладающий визуальной спецификой изображения и характерной словесной пластикой, что дает основания по-новому интерпретировать содержательные функции этого образа. Кроме того, в диссертации рассматриваются некоторые, недостаточно изученные на настоящий момент, вопросы:

- полемика Набокова с традиционными для «петербургского текста» сюжетами – например, историями безумия на почве мании величия;
- присутствие в прозе Набокова следов мифологического, архаического мышления и его значение;
- связь в художественном мире Набокова зрительного с трансцендентным.

В результате исследования выработано рабочее определение художественного приема визуализации. Визуализация в литературе – это использование системы приемов визуальных видов искусств (живопись, скульптура, кино, фотография и т.д.). Сюда относят преимущественно приемы композиции (сочетание планов, расположение деталей предметного мира, фокусировка, перспектива), а также особенности художественной речи, обозначаемые термином «словесная пластика», т.е. создание таких описаний, которые вызывают в сознании читателей картины, более или менее соответствующие тому, что хотел выразить автор. При изучении

визуальности в конкретном произведении важно не только выявить соответствующие приемы, но определить их разнообразные содержательные функции.

Можно перечислить основные приемы визуальных видов искусств, используемые в литературе. Приемы кинематографа: сочетание общего плана с детализацией – «наезд камеры» и т.д.); монтажная композиция. Приемы, общие для словесного искусства и живописи: перспектива; фокусировка; «игра» цветом; сочетание цвета и тени; выделение переднего плана и фона. Особое значение имеет экфрасис – описание произведения искусства словами. Часто описываемое произведение играет сюжетную роль, выполняет характеризующую функцию. В ряде случаев писатель «сочиняет» произведения визуального искусства, изображая интерьер, в который попадают его герои, что придает особое качество его произведениям.

Визуальные образы, являющиеся объектами созерцания и переживания, в творчестве Набокова выполняют содержательную и эстетическую функцию. Фиксируя эстетически ценное в жизни – в быту и в культуре – писатель воссоздает его в своем искусстве.

Проблема истолкования образа Петербурга как факта сознания повествователя и героя и, соответственно, автора (который мечтал вернуться в потерянный рай детства – а детство было петербургским), может быть решена в рамках анализа «петербургского мифа», созданного Набоковым в его произведениях.

Сформулированная проблема определяет **цель исследовательской работы**, которая заключается в том, чтобы провести многоуровневый анализ образа Петербурга, петербургского мифа и диалога с «петербургским текстом» русской литературы в творчестве Набокова. Особый акцент в исследовании делается на анализ визуальной поэтики, имеющей в набоковском творчестве трансцендентный смысл. Образ Петербурга, данный

в произведениях Набокова русского периода рассмотрен как новая стадия в развитии «петербургского текста» русской литературы.

В соответствии с поставленной целью в исследовании решаются следующие *задачи*:

- 1) охарактеризовать значение образа Петербурга в художественном мире Набокова;
- 2) определить визуальную составляющую поэтики Набокова и ее связь с мотивом Петербурга;
- 3) выявить связь «петербургского текста» Набокова с магистральными темами и мотивами его творчества;
- 4) показать значение полемического диалога с «отправными точками» «петербургского текста» русской литературы – произведениями А.С. Пушкина «Медный всадник» и «Пиковая дама»;
- 5) показать связь визуальной составляющей поэтики Набокова с его пониманием сакрального на примере романа «Машенька»;
- 6) описать функцию отсылок к петербургским произведениям Н.В.Гоголя и преемственность поэтики Набокова по отношению к гоголевской;
- 7) охарактеризовать роль аллюзий и реминисценций на петербургские произведения Ф.М. Достоевского.

Объектом исследования является творчество Набокова русского периода (1911–1938 гг.).

Предметом изучения стала специфика визуальности в петербургских текстах Набокова, а также аллюзии, реминисценции и другие формы диалога с «петербургскими» произведениями русской классики, присутствующие в произведениях Набокова русского периода (1911–1938 г.).

Материал исследования ограничен теми произведениями, в которых есть либо упоминания о Петербурге, либо прямые или косвенные отсылки к «Петербуржскому тексту» русской литературы. Это лирические и эпические произведения 1920–1930-х годов. Во-первых, стихотворения: «Петербург»

(«Так вот он, прежний чародей...», 1921); «Петербург» («Мне чудится в Рождественское утро...», 1921); «Санкт-Петербург – узорный иней...» (1923), «С серого севера» (1967). Во-вторых, рассказы: «Пасхальный дождь» (1924), «Письмо в Россию» (1925), «Катастрофа» (1924), «Посещение музея» (1938), «Истребление тиранов» (1938), «Лик» (1938); а также романы: «Машенька» (1926), «Король, дама, валет» (1928), «Подвиг» (1932), «Отчаяние» (1934), «Приглашение на казнь» (1935–1936) «Дар» (1938), «Другие берега» (1953–1954). Кроме перечисленных художественных произведений В.В. Набокова, в фокус нашего внимания попадают его эссе: «Что всякий должен знать» (1931), «Пушкин, или Правда и правдоподобие» (1937), «Николай Гоголь» (1944).

Теоретическая значимость настоящей диссертации характеризуется тем, что результаты исследования, полученные с использованием структурно-семиотического и мифопоэтического методов, позволяют дать новую трактовку ряда произведений Набокова, углубить представления о пространственно-временной организации произведений модернизма, уточнить особенности развития традиций XIX века на следующем этапе развития русской литературы.

Практическая значимость работы сводится к использованию её результатов в практике преподавания дисциплин историко-литературной направленности, на спецкурсах, посвященных изучению творчества Набокова.

Для решения поставленных задач применяемое в работе комплексное осмысление материала, обусловленное спецификой аспекта исследования, предполагает использование междисциплинарного подхода, а также культурно-исторического, структурно-семиотического *методов*, элементов мифопоэтического подхода; использован интертекстуальный анализ, предполагающий определение «чужого слова» (цитат, реминисценций, аллюзий) в авторском тексте, установление претекстов. Учитывая теорию интертекстуальности, предложенную Ю. Кристевой и Р. Бартом, остаемся в

рамках традиционных представлений о межтекстовых литературных взаимодействиях.

Теоретико-методологической основой диссертации стали посвященные семиотике Петербурга труды Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова; работы по мифопоэтике М. Элиаде «Миф о вечном возвращении»⁴, а также работы Е.Н. Мелетинского⁵, Д.П. Козолупенко⁶, С.М. Телегина⁷; анализ произведений В.В. Набокова базируется на исследованиях А.А. Долинина⁸, Г.А. Барабтарло⁹, Б.В. Аверина¹⁰, Н.Г. Мельникова¹¹. Размышляя о роли визуального в набоковском творчестве, мы опирались на работы В. Беньямина¹², П. Вирильо¹³ С.М. Даниэля¹⁴, И.А. Есаулова¹⁵, М.К. Крышталева¹⁶, М. Б. Ямпольского¹⁷.

Положения, выносимые на защиту:

⁴ Элиаде М. Миф о вечном возвращении // Элиаде М. Избранные сочинения М.: Ладомир, 2000. 414 с.

⁵ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.

⁶ Козолупенко Д.П. Анализ мифопоэтического восприятия. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: МПГУ, 2009. 44 с.

⁷ Телегин С.М. Мифологическое пространство русской литературы. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2005. 158 с.

⁸ Долинин А.А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». М.: Новое издательство, 2018. 648 с.

⁹ Барабтарло Г.А. Сочинение Набокова. СПб.: изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 464 с.

¹⁰ Аверин Б.В. Дар Мнемозины. Романы В.В. Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. 402 с.

¹¹ Мельников Н.Г. Набоков о Набокове и прочем. М.: НЛЮ, 2004. 116 с.

¹² Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996. 239 с.

¹³ Вирильо П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2005. 138 с.

¹⁴ Даниэль С.М. Петербургская тема в романе Владимира Набокова «Дар» // Блоковский сборник. Вып. XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту, Tartu Ülikooli Kirjastus, 1996. С.197-205; Даниэль С.М. Оптика Набокова // Набоковский вестник. Вып. 4. Петербургские чтения. СПб.: Изд-во Дорн, 1999. С.168-172.

¹⁵ Есаулов И. Экфрасис в русской литературе нового времени: картина и икона / Экфрасис в русской литературе. Сб. трудов Лозаннского симпозиума / Под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С.167-180.

¹⁶ Крышталева М.К. Визуальные исследования: генеалогия и культурологический потенциал / Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2014, № 169. С.125-129.

¹⁷ Ямпольский М. Наблюдатель. Очерки по истории видения. М.: Ad marginem, 2000. 289 с.

1. Визуальность – важнейший аспект поэтики Набокова. В его художественной реальности она тесно связана как с этикой, так и с умением понимать мир.
2. Петербург Набокова вписан в понятийный треугольник «созерцание-память-возвращение» и является для писателя объектом визуального восприятия и памяти о прошлом.
3. Прошлое в набоковском романе «Машенька» изображается как сакральное пространство.
4. Аллюзии на «Пиковую даму» А. С. Пушкина в рассказе «Сказка» и романе «Отчаяние» обозначают главного героя этой повести как пошляка, чуждого подлинному творчеству.
5. Выстраивая свою поэтику на основе зрительной информации, Набоков наследует традицию Н.В. Гоголя. Вместе с тем смысловые функции визуального у двух авторов прямо противоположны.
6. Реминисценции и аллюзии на Петербург Достоевского встречаются в набоковском художественном космосе либо как фрагменты того мира, который выступает чуждым и враждебным главному герою, либо частью мира, который отвергает первичный субъект речи.

Апробация работы. Материалы и результаты исследований докладывались и обсуждались на XXXVIII ежегодной конференции студентов, магистрантов и аспирантов АлтГУ (АлтГУ, Барнаул, 15 апреля 2011 г.), XXXIX ежегодной конференции студентов, магистрантов и аспирантов АлтГУ (АлтГУ, Барнаул, 5 апреля 2012 г.), XL ежегодной конференции студентов, магистрантов и аспирантов АлтГУ (АлтГУ, Барнаул, 23 апреля 2013 г.), на V региональной научной конференции «Алтайский текст в русской литературе» (АлтГУ, Барнаул, 17–18 мая 2013 года), Международной научной конференции «Русская эмиграция в послевоенные годы. Две волны – притяжения и отталкивания» (ИМЛИ, Москва, 13 ноября 2019 г.); на Международной научной конференции XVI Виноградовские чтения «История и современность филологических наук» (МГПУ, Москва, 5–

6 марта, 2020 г).

По теме диссертации опубликовано 6 печатных работ, в том числе 4 публикации (общим объемом 1,5 авторских листа) в ведущих периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования, диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, включающего 202 позиции.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** характеризуется степень разработанности вопроса, определяется актуальность, научная новизна исследования, формулируются цель и задачи работы, характеризуется теоретико-методологическая база, теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** – «”Петербургский текст” Набокова: визуальность, сакральность, возвращение» – характеризуется специфика образа набоковского Петербурга, дана его интерпретация как визуального объекта. Особая значимость изобразительного аспекта набоковских произведений, наглядность его образов в исследованиях XXI в. стала пониматься не только как словесная пластика (традиционное обозначение), но и как «оптика», «визуальность». Так, Л.Л. Чакина в статье «Оптические стратегии В. Набокова: визуализация потусторонности в романе “Дар”» утверждает, что набоковская работа со зрительными образами отражает «новую модель зрения, сложившуюся в результате технических, эстетических и других изменений»¹⁸. В статье «Сознание как оптический инструмент: о визуальной эстетике Владимира Набокова» Е.Г. Трубецкова утверждает, что «необыкновенная зоркость к миру – отличительная черта набоковской прозы»¹⁹. Визуальность, по мнению автора, Набоков противопоставляет идеологии, которая неразрывно связана с общими представлениями и обобщениями, в то время как глаз видит только уникальное, неповторимое.

В анализе набоковской визуальности мы стремимся разграничивать два ее уровня. Во-первых, это упоминания визуальных артефактов

¹⁸ Чакина Л.Л. Оптические стратегии В. Набокова: визуализация потусторонности в романе «Дар» // Современные проблемы науки и образования. Пенза: Академия естествознания, 2014. № 4. С.658.

¹⁹ Трубецкова Е.Г. Сознание как оптический инструмент: о визуальной эстетике Владимира Набокова // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. Саратов: Изд-во СГУ им. Чернышевского, 2010. Т.3. С. 63-69.

(картин, фотографий, кинофильмов), играющих сюжетную роль. Во-вторых, это характерные детализированные описания. С фотографией или открыткой часто связан мотив воспоминания – герой разглядывает фотографию и начинает вспоминать (например, в романе «Машенька»). Через отношение к визуальным искусствам характеризуются три главных героя романа «Камера обскура», их человеческая суть. У протагониста и антагониста романа «Приглашение на казнь» противоречивые отношения с миром зримого, что отражает основной конфликт. Огромную роль визуальное играет в романе «Дар», где сохраняется та же расстановка персонажей: главный герой, поэт Федор Годунов-Чердынцев – человек, предельно «зрячий» («нам даже думается, что именно живопись, а не литература с детства обещались ему» – говорится в рецензии на книгу его стихов), его оппоненты и, в первую очередь, писатель Чернышевский, биографию которого он пишет, – люди, не ладящие со зримым миром. В конечном счете, в набоковском мире сближается визуальное и этическое, кто лучше видит – тот духовно выше.

В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что фотография, картина или другое произведение визуального искусства используются Набоковым для того, чтобы стимулировать в герое процесс воспоминания или размышления. Указание повествователя на особенности зрения персонажей выполняет характерологическую функцию: у отрицательных героев всегда ущербное зрение, герои, обладающие высокими морально-нравственными качествами, хорошо видят, различают детали, помечают особенности окружающей жизни. Зрение приобретает значение этической категории, имеет первоочередную онтологическую значимость и, в конечном счете, выступает как посредник между человеком и сутью мироздания как таковой.

В разделе 1.2 – «Петербург как центр сакрального пространства в художественном мире Набокова» – рассматривается вопрос о Петербурге как центре сакрального пространства в художественном мире писателя. В

мифологии Петербурга сформировались две полярных линии: «райская» и эсхатологическая, одна возникла в литературе, другая в фольклоре. В творчестве Набокова присутствуют обе эти точки зрения, с явным преобладанием «райской», возвышенной. Своеобразный петербургский миф писателя соотносится с мифом Петербурга как «города-рая», а его творчество было охарактеризовано как «метароман потерянного рая» (В. Ерофеев).

Сюжет о потерянном рае – один из наиболее часто подвергаемых мифопоэтическому анализу сюжетов, он интерпретируется с помощью концепции признанного религиоведа Мирчи Элиаде. Для архаического сознания любое действие имеет смысл только тогда, когда оно связано с высшими, сакральными слоями бытия, все ритуалы служат одной цели: выходу за пределы линейного времени и попаданию во время изначального Творения, туда, где по большому счету, никакого времени нет. Это и есть возвращение в рай, обретение рая. Текущие ситуации там обнуляются и обновляются, весь накопленный жизненный груз как бы сбрасывается, что способствует получению ресурса для дальнейшей жизни. «Возвращение в рай» представляет собой переход из линейного времени в циклическое. Соответствующая организация времени прослеживается в романе «Машенька».

В набоковском художественном мире Петербург был тем, что в терминологии Элиаде называется «сакральный центр», местом, где человек оставляет накопленный жизненный опыт. Мифологизация Набоковым столицы – это изображение его как места изначального Творения, где можно сбросить груз земного времени. Петербургская тема у Набокова неразрывно связана с магистральными темами его произведений, такими, как тема детства, тема возвращения. Во многом она обусловлена зрительными представлениями, визуальным типом образного мышления. В ранних стихах Набокова переплетаются мотивы памяти и зрения, они возникают в картинах городской жизни и воображении персонажей более поздней набоковской прозы. Художественные приемы, сюжетные ситуации, положения,

выработанные на раннем этапе воплощения темы Петербурга, были использованы Набоковым в дальнейшей работе, явились основой сюжетных ситуаций, положений и мотивов в его романах.

В разделе 1.3. – «Трансцендентная роль оптики в петербургских произведениях Набокова» – раскрывается содержательная роль визуальных образов, их связь с основными темами писателя. Так, мотив возвращения в Петербург связан с более сложной и важной набоковской темой – способами возвращения к Творению соответственно триаде «возвращение-память-созерцание». Зрение и воспоминание для Набокова – взаимосвязанные процессы. С.М. Даниэль в статье «Петербургская тема в романе Набокова “Дар”» утверждает: «Поэтика Набокова во многом оптика, т.е. поэтика отражений, преломлений, рефлексов и т.п. Зрение набоковского героя – это памятликое зрение. Таким образом, речь идет не только о Петербурге как о предмете воспоминания и изображения, но о специфическом петербургском способе зрения, проливающим свет на литературную родословную героя»²⁰. Мотивы зрения, памяти и возвращения начинают переплетаться уже в самых ранних стихах Набокова. Эта тенденция проступает в его первых романах русского периода («Машенька» и «Подвиг») и достигает высшей точки в рассказе «Посещение музея» из сборника «Весна в Фиальте».

Воскрешая в памяти родной город, писатель каждый раз как бы осуществляет возвращение в Петербург, выходит за границы линейного времени. Петербург для него – это, во-первых, факт биографии, место, где прошли лучшие годы жизни, а во-вторых – уникальный источник обильной зрительной информации. Разбирая критические замечания Адамовича о Набокове, Г. Хасин отмечает, что, по сути, Адамович обвиняет писателя в том, что он относится к реальности, как к произведению искусства²¹.

²⁰ Даниэль С.М. Петербургская тема в романе Владимира Набокова «Дар» // Блоковский сборник. Вып. XIII: Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1996. С. 197-205.

²¹ Хасин Г. Театр личной тайны. Русские романы Владимира Набокова. М.; СПб.: Летний сад, 2001. 188 с.

Очевидно, что к своей родине он во многом относится так же. Соответственно, один из способов вернуться в потерянный рай (то есть, в том числе и в Петербург) – это творчество, сотворение нового мира по аналогии с первоначальным актом Творения. И возможность возвращения туда в набоковской прозе дарована только его любимым героям. Укорененный в русской литературной традиции, отлично знающий и чувствующий Петербург русской литературы, Набоков встраивает петербургскую тему в комплекс своих основных тем и поднимает ее до глобальных категорий – таких, как время и память. В конечном итоге, «прочитывая» Петербург именно таким образом, он продолжает традицию изображения столицы как места решения самых важных вопросов человеческой жизни. В «петербургском тексте» русской литературы Набоков открывает новую главу, оказавшуюся созвучной тем культурным тенденциям, которые возобладают в мире в конце XX века.

В разделе 1.4. – «Память и время в романе “Машенька”» – анализируется устройство художественного пространства дебютного романа Владимира Набокова «Машенька», продемонстрирована логика такого устройства, вытекающая из набоковских представлений о сакральном и профанном и связанная с магистральными мотивами его творчества. Идеальное пространство, существующее только в воображении главного героя, отождествляется с раем, оно состоит из садов и парков, изначально являющихся символамирая. По контрасту с раем прошлого настоящее изображено предельно урбанистично, в городе, изображенном подробно и детально, разворачиваются события того фрагмента романа, который относится к миру «профанному», низменному, приземленному.

Глава вторая – «Петербургский текст русской литературы в восприятии Набокова» – посвящена полемике с «петербургским текстом» русской литературы.

Раздел 2.1 – «Петербург А.С. Пушкина как объект полемики в творчестве Набокова («Пиковая дама» и «Сказка», «Отчаяние», «Дар»,

«Другие берега»)» – посвящен Петербургу Пушкина как объекту полемики. Смысловый ряд, в который Набоков помещает Пушкина, состоит из масштабных, самых важных, детерминирующих весь набоковский мир понятий: Петербург, родители, память, детство. В набоковской мифологии миф Петербурга и миф Пушкина переплетены предельно тесно, один является составной частью другого. Диалог с пушкинским Петербургом Набоков начинает на самом раннем этапе своего творчества. В стихотворении «Петербург» («Он на трясине был построен...», 1922) Набоков представляет революцию как восстание «болотного беса» из тех болот, на которых был построен Петербург. Мотив inferнальности, попытки подчинить себе потустороннее с выгодой для себя впервые прозвучал в пушкинской «Пиковой даме». Именно Германна Набоков видел персонажем, вызвавшим в Петербург «болотного беса», повинного в разыгравшейся трагедии.

Рассказ «Пасхальный дождь» был опубликован в 1925 г. Главная героиня – старая гувернантка Жозефина Львовна, вернувшаяся в Швейцарию после многих лет жизни в Петербурге и осознавшая, что главные годы жизни прошли именно там. Ее захватывают тоска и ностальгия, мучает одиночество. Грядет Пасха, стоит сырая погода, гувернантка заболевает воспалением легких и видит в бреду, как создатель Петербурга, Петр I, сходит со своего пьедестала и целует ее. Болезнь постепенно проходит, и Жозефина Львовна приходит в себя. Характеризуя выздоровление как воскресение, Набоков вводит в текст религиозный смысл. Нищая, красящая яйца в убогой комнатке гувернантка – святая, поклоняющаяся Петербургу и обретающая в нем спасение. Инверсия сюжета «Медного всадника», отмеченная С. Польской, служит этой же цели – сакрализации Петербурга как такового и пушкинского Петербурга в частности.

К полемике с пушкинской повестью «Пиковая дама» писатель обращался дважды: в рассказе «Сказка» и в романе «Отчаяние». В «Сказке» (1926) сюжет о сделке с дьяволом разворачивается в мире удушающего

мещанства. Главному герою знакома радость фантазии и воображения, но отсутствие внутреннего размаха делает его устремления мелкими. В романе «Отчаяние» (1934) Набоков уже не ограничивается созданием пошлой и вульгарной атмосферы вокруг героя, который считает себя художником, а выносит ему этическую оценку и наказывает.

В разделе 2.2. – «В.В. Набоков и “Петербургский текст” Н.В. Гоголя: преемственность и полемика» – анализируется диалог с петербургскими произведениями Гоголя. У этих двух авторов достаточно много точек пересечения, можно сказать, что Гоголь повлиял на Набокова больше других писателей. Тема Петербурга, развитая в таких произведениях Гоголя, как повести «Невский проспект» (1833–1834), «Нос» (1832–1833), «Портрет» (1833–1834), «Коляска» (1835), «Записки сумасшедшего» (1834) и «Шинель» (1841), в очерке «Петербургские записки 1836 года» и фельетонах, в значительной степени обусловлена фактами биографии Гоголя, его интересом к живописи и скульптуре, его художественной манерой, возможно, поэтому его поэтику отличает значимость зрительных, оптических впечатлений. Петербургские повести Гоголя вышли в свет в сборнике «Арабески», где они были напечатаны вместе со статьями о живописи, скульптуре и архитектуре. В двух произведениях из цикла «Петербургские повести» главные герои – художники. Набоков также выберет героями своих произведений художников. Сопоставляя характеры этих персонажей, можно увидеть значительную разницу между набоковским и гоголевским миропониманием, в частности в их восприятии Петербурга. Так, у Гоголя в петербургских повестях столица для художника – испытание, которое тот не проходит, становясь жертвой окружающей жизни, искушений. В набоковском мире все с точностью до наоборот – в изобилующем литературными аллюзиями и реминисценциями романе «Отчаяние» именно герой-художник выносит нравственный приговор негодяю и убийце Герману Карловичу. В рассказе «Истребление тиранов» именно учитель рисования замышляет убийство тирана и диктатора, приходя в конце концов к мысли

победить его смехом, отказом воспринимать всерьез. В рассказе «Ultima Thule» художник пытается выведать у сумасшедшего гения тайну мироздания и все-таки получает некий намек на нее, ключ к ней. Для Гоголя все видимое, визуальный способ познания реальности – путь к inferнальному, для Набокова же – к сакральному. Набоковское понимание Петербурга как священного пространства, неприкосновенного места вступает в противоречие с тем мифом Петербурга, который сформировался в семантическом поле русской истории. Гоголь предвосхитил набоковское понимание Петербурга как *оптического* феномена.

В полемический диалог с гоголевским Петербургом, изображенным в повести «Записки сумасшедшего» (1835), вступает Набоков в романе «Отчаяние», используя гоголевский прием введения «ненадежного рассказчика». Суть его в том, что персонаж, от лица которого ведется повествование, намеренно искажает информацию, вводя читателя в заблуждение. То, что он сообщает читателю, – неполно или недостоверно. Однако Набоков творчески варьирует этот прием, его ненадежный рассказчик (Герман Карлович) не ограничен (как Поприщин), но циничен, он лжец.

Таким образом, набоковская поэтика, как и гоголевская, во многом основывается на зрительных впечатлениях, однако с полярным содержанием. Для Набокова оптика и зрение – способ выхода за пределы линейного времени в цикличное, перехода от профанного к сакральному (а Петербург – центр сакрального). Для Гоголя, наоборот, – это путь к inferнальному, к обманам мира (Петербург в этом случае предстает центром inferнального). Создавая комический образ героя, охваченного тщеславием, Гоголь заранее снимает вопросы о его моральном состоянии, вводя мотив безумия. Набоков же подчеркивает тот факт, что подобное поведение – следствие не безумия, а моральной неполноценности, и именно она является причиной попыток совершать те поступки, которые совершает Герман Карлович.

Представляющиеся дерзаниями, его поступки по факту являются пошлыми и страшными злодействами.

В разделе 2.3. – «Набоков и ”Петербургский текст” Ф.М. Достоевского: спор о метафизике и отказ в онтологической значимости» – анализируется диалог Набокова с петербургскими произведениями Достоевского. Эта задача является сложной и важной по двум причинам. Во-первых, Достоевский – это автор, большинство текстов которого посвящено Петербургу. Петербург – пространство, в котором разворачивается сюжет романа «Бедные люди» (1844–1845). Действие в трех из пяти романов «великого пятикнижия» («Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток») происходит также в Петербурге. Во-вторых, отношение Набокова к Достоевскому само по себе стало мифологическим, хрестоматийным сюжетом русской культуры.

Исследователи имеют разные точки зрения на причины этого явления. А.А. Долинин в статье «Набоков, Достоевский и “достоевщина”» указывает на то, что нелюбовь к Достоевскому не была статичной, а усиливалась с годами и окончательное отторжение произошло в те годы, когда Набокову было необходимо утвердить себя в качестве последнего патриарха русской литературы, арбитра вкуса²². О. Меерсон в статье «Набоков – апологет: защита Лужина или защита Достоевского?» находит в романе апологию Достоевскому и его поэтике²³, основываясь на тождестве фамилий героев. Л. Сараскина в работе «Набоков, который бранится...» (1993) считает, что ненавидеть с таким жаром можно только то, что боишься признать в самом себе²⁴. Обобщим характерные для Петербурга Достоевского черты. Во-первых, город имеет социальное измерение, представлены «низы», «дно

²² Долинин А.А. Набоков, Достоевский и достоевщина // Литературное обозрение. 1999. № 1. С. 38-46.

²³ Меерсон О.А. Набоков – апологет; защита Лужина или защита Достоевского? // Достоевский и XX век: в 2 т. / Под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 2. С. 358-381.

²⁴ Сараскина Л. Набоков, который бранится... // В. В. Набоков: pro et contra. СПб.: Симпозиум, 1997. С. 542-571.

жизни». Во-вторых, в воображении героев город связан с различного рода грезами, фантазиями, галлюцинациями, мечтами, бредом, а в крайних случаях – безумием и бесовщиной. В-третьих, петербургская тема неразрывна у Достоевского с мотивами тщеславия, жажды обогащения, вознесения к вершинам жизни. За исключением второго упомянутого мотива, этот тематический тезаурус был Набокову совершенно чужд. Кроме того, тотальное противоречие в понимании и изображении города видно уже в самом подходе: для Достоевского, одним из основных мотивов творчества которого является зло и его природа, Петербург часто – бесовское место и в иные минуты бывает проклят, между тем, как для Набокова он всегда свят, сакрален.

Петербург Достоевского продолжает традицию изображения города как средоточия деструктивных, хаотических сил, прорывающихся с «того света». Недаром его герои рассуждают о загробном мире как о бане с пауками, сидя в петербургском трактире, как, например, Свидригайлов с Раскольниковым. Это место в «Преступлении и наказании» – одна из крайних точек «петербургского демонизма» Достоевского: закоренелый грешник и негодяй, отчаявшийся хоть что-то изменить в душе и жизни, видит существование в вечности ничтожным и жалким. В набоковской реальности смерть – всегда переход к полному пониманию бытия, получению ответов на все вопросы. Поэтому именно со свидригайловским представлением о посмертном существовании он полемизирует в рассказах «Белые ночи» и «Лик», представляя загробную жизнь как нечто утешительное и прямо противоположное закоптелой комнате: изображены сказочные дворцы («Белые ночи»), площадь, фонтан, вдруг оказывающиеся там, где были трущобы («Лик»). В рассказе «Лик» узнаваемый антураж Достоевского окружает человека, представляющего собой персонифицированную смерть главного героя.

Аллюзии на Петербург Достоевского в художественном мире Набокова также слышны при изображении той или иной пошлости. В его

эссе «Пошляки и пошлость» (1957) Достоевский был упомянут в числе тех авторов, которых ценят пошляки. Самый очевидный случай маркирования пошлой реальности узнаваемыми деталями из Достоевского – это роман «Приглашение на казнь». В первую очередь, это персонажи: тюремщик Родион (периодически превращающийся в директора тюрьмы Родрига – это как бы один и тот же человек, что можно, например, увидеть в сцене похода на крышу, хотя в сцене появления мсье Пьера это разные люди) и адвокат Роман. Сочетание этих имен отсылает к герою «Преступления и наказания» Родиону Романовичу Раскольникову. Это и мсье Пьер, ближе к концу романа оказывающийся Петром Петровичем (как отмечает Злочевская, это и Петр Петрович Лужин, и Порфирий Петрович одновременно) с топором, напоминающим о Раскольнике. Директор тюрьмы Родриг и адвокат Роман в финале обращаются в ближайших помощников палача Родю и Рому – опять намек на Раскольникова, а также указание (раз помощники «ближайшие») на тесную связь эстетики и миропонимания Достоевского с царством пошлости, торжествующим в романе. Палач мсье Пьер сам по себе склонен к театральности, демонстративности поведения, что тоже ставит его в один ряд с персонажами Достоевского, и особенно персонажами-пошляками, такими, как Федор Павлович Карамазов или Фома Фомич Опискин («Село Степанчиково и его обитатели»). В «Приглашении на казнь» писатель со всей мощью обрушивается на «достоевщину», помещая её в пространство, репрессивное личное.

Еще один очевидный диалог с Достоевским – роман «Отчаяние». Это диалог не только с «Преступлением и наказанием», но и с «Двойником», и с «Записками из подполья», что отмечено исследователями творческих связей Набокова и Достоевского. Сюжет повести в какой-то мере является инверсией «Двойника»: у Достоевского главный герой – жалкий и нелепый «маленький человек», бред которого порождает ловкую, пронырливую и удачливую копию себя самого, у Набокова – солидный и основательный коммерсант (как и Голядкин, нездоровый психически), совершенно

ошибочно увидевший двойника в нищем бродяге. В текст романа вводится прямая цитата из «Преступления и наказания» (восходящая, в свою очередь, к «Запискам сумасшедшего» Гоголя), которую Набоков предполагал поставить эпиграфом: «Дым, туман, струна дрожит в тумане. Это не стишок, это из романа Достоевского “Кровь и слюни”. Пардон, “Шульд унд Зюне”»²⁵. Аура и атмосфера Петербурга Достоевского сугубо разночинские. Именно в произведениях Достоевского впервые осуществился с максимальной отчетливостью мир разночинца со всеми типичными для него невротами и комплексами. «Подпольные комплексы» и «богоборчество» казались Набокову пошлостью, тупиковым направлением в познании человека. Эта версия интерпретации Петербурга им отвергалась начисто. Она была полностью противоположна пониманию Петербурга как сакрального пространства, в котором возможна победа над временем и обретение себя подлинного.

Таким образом, полемика с «петербургским текстом» Ф.М. Достоевского включает в себя несколько направлений. Представление о вечности и посмертном существовании, высказанное одним из героев романа Достоевского «Преступление и наказание», отвергается Набоковым. Те или иные иронические отсылки к творчеству Достоевского встречаются в тех произведениях Набокова, где посмертная реальность визуально изображается так, чтобы максимально контрастировать с образом «закоптелой комнаты вроде деревенской бани»²⁶. Реминисценции и аллюзии на Петербург Достоевского встречаются в набоковском художественном космосе либо как фрагменты того мира, который выступает чуждым и враждебным главному герою, либо частью мира, который отвергает первичный субъект речи.

Элементы художественного мира петербургских произведений Достоевского часто используются Набоковым при описании либо той

²⁵ Набоков В. Отчаяние // Набоков В.В. Собр. соч.: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2002. Т. 3. С. 505.

²⁶ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч: в 30 т. Л.: Наука, 1973. С. 221.

реальности, которая выступает по отношению к герою репрессивно и отвергает его, либо той, которую категорически отвергает и которой отказывает в праве на существование сам писатель. В набоковском художественном космосе аллюзии и отсылки к «Петербуржскому тексту» Достоевского всегда находятся на стороне, вступающей в конфронтацию с тем, что Набоков считает в мире «своим». Петербург Достоевского попадает в тот ряд явлений и понятий, которым он отказывает в праве на существование.

В **Заключении** диссертации подведены итоги проведенного исследования, даны общие выводы о том, что многие мотивы, выделяемые литературоведами как базисные и магистральные для набоковского творчества, так или иначе являются следствием преломления петербургской темы. В первую очередь, с ней тесно связан мотив возвращения. Сакральные, «райские» смыслы Петербурга актуализированы в ранних текстах Набокова. Таким образом, связь с одним из основных петербургских мифов, одной из двух главных традиций изображений Петербурга не просто не терялась, а усиливалась. С петербургской темой связан и мотив преобладания мечты и фантазии над действительностью. Наконец, мотив Петербурга прочно слит с одной из важнейших набоковских тем и с основным приемом его поэтики – зрительностью, визуальностью, словесной пластикой.

Важнейшей частью набоковского «идеального Петербурга» является Пушкин и созданные им сюжеты. Изображая Петербург, Набоков воспроизводит в нем начала Космоса и Хаоса. На первый взгляд, Пушкин является фрагментом гармонической, аполлонической стороны Петербурга. Но уже на раннем этапе своего творчества Набоков полемизирует с ним и дистанцируется от него. Самый ничтожный из всех набоковских антигероев, Герман Карлович из романа «Отчаяние» и главный герой пушкинской «Пиковой дамы» носят одно и то же имя. Если Пушкин в художественной реальности Набокова имеет онтологический статус, то Гоголь – прямой «литературный предок» в плане поэтики. С Гоголя начинается широкое

применение в русской литературе словесной пластики, интерес к оптическому, зрительному и визуальным искусствам, Гоголь впервые увидел в Петербурге не просто большой город, но произведение визуального искусства. В мире Гоголя так же, как в мире Набокова, художник наделен особыми правами и как бы представляет творческих людей как таковых. И тема договора с потусторонними силами, как и тема безумия, развившегося на почве социальной и личной неполноценности, также провоцирует спор. Диалог на петербургскую тему с Достоевским представляет собой резкую полемику. Эстетика и поэтика «петербургского текста» Достоевского расцениваются Набоковым как максимально враждебные его системе эстетических взглядов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Мухачёв, Д.А. Петербург в ранней поэзии В. Набокова / Д.А. Мухачёв // Филология и человек. – Барнаул: АлтГУ, 2012. – № 2. – С. 178–186.
2. Мухачёв, Д.А. Семантика Петербурга и код русской классики в рассказах В. Набокова «Обида» и «Лебеда» / Д.А. Мухачёв // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2013. – № 2. – С. 154–157.
3. Мухачёв, Д.А. Мистика, тщеславие и безумие: петербургские сюжеты в прозе В. Набокова (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский) / Д.А. Мухачёв // Мир науки, культуры и образования. – Горно-Алтайск, 2013. – № 2 (39). – С. 262–264.
4. Мухачев, Д.А. Крым как сакральное пространство в романе В.В. Набокова «Подвиг» // Мир науки, культуры и образования. – Горно-Алтайск, 2020. – № 5 (84). – С. 425–426.

Статьи в сборниках и периодических изданиях:

5. Мухачёв, Д.А. Петербург в романе Владимира Набокова «Машенька» // Труды молодых учёных Алтайского государственного университета. – Барнаул, изд-во АлтГУ, 2012. – № 9. – С. 206–208.
6. Мухачёв, Д.А. Зрение, память, возвращение: концепты художественного мира В. Набокова /Д.А. Мухачёв // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2019. – № 3(35). – С. 120–127.